

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

ЧИТАЙТЕ
смешные детективы
НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВОЙ:

Любовь нечаянно пристанет	Неправда о любви
Я не твоя, мой господин!	Вас снимает скрытая камера!
Через тернии в загс	Лямур, тужур и абажур
Когда муж идет налево	Дама разбитого сердца
Камешки чистой воды	Служанка двух господ
Весь мир за ваш счет	Теща Франкенштейна
До встречи в облаках!	Утром деньги, вечером пуля
Фантазии офисной мышки	Алмазная принцесса
Шалаш в Эдеме	Шикарный блеф
Досье на Пенелопу	Правнучка ведьмы
Мальтийская головоломка	Дурдом с призраками
Клиент Пуаро	Мечты сбываются
Откройте принцу дверь!	Влюбленным вход воспрещен!
Маркиз-потрошитель	Серенада для шефа
Леди Титаник	Все против свекрови
Кодекс поведения блондинки	Полюблю до гроба
Калоши невезения	Игра с неверным мужем
Черная тень в белом плаще	Любовь мексиканского сыщика
Африканская страсть	Белые ночи с Херувимом
До последней звезды	Проделки небожительницы
Карамельные неприятности	Призрак фокусника
Укрощение свекрови	Рассмешить Бога
Миллион черных роз	Небо в шоколаде
Муж, который живет на крыше	До свадьбы заживет
Приятных кошмаров	Тайное сокровище олигарха
Поцелуй на пожарной лестнице	Альковная тайна содержанки
Потусторонним вход воспрещен!	Не злите джинна из бутылки
Верный паж госпожи	Отмычка от разбитого сердца
Сон в брачную ночь	Гарем без проблем
Клуб шальных бабок	Джакузи для Офелии
Фаберже дороже денег	Финита ля трагедия
Чемоданчик Пандоры	Русалку за хвост не удержать
Персона царских кровей	Причуды графа Дракулы
Диета против пистолета	Пятая жена моего мужа
Кастинг Синеи Бороды	Компромат на суженого
Дегустация волшебства	Шанс на миллион долларов
Испытательный срок для киллера	Сбылась мечта хулиганки

Наталья Александрова

Испытательный срок
для киллера

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 46

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использована
работа художника *В. Остапенко*

Александрова, Наталья Николаевна.
А 46 Испытательный срок для киллера : [роман] /
Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2015. —
320 с. — (Смешные детективы).

ISBN 978-5-699-80673-7

В НИИ, где работает Надежда Лебедева, произошло ЧП — утром в шитовой найден труп сотрудника Надеждиного отдела Никандрова. На первый взгляд в происшествии нет ничего загадочного — Никандров был странным и, по слухам, несколько лет назад даже лежал в психушке, к тому же в последнее время у него были неприятности дома. Но Надежда сразу понимает, что дело тут нечисто, и Никандров никак не мог повеситься сам. А значит, в институте, рядом с ней, работает убийца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80673-7

© Александрова Н.Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо»», 2015

Надежда открыла дверь боком, потому что руки у нее были заняты двумя огромными коробками с польским печеньем.

— Ну, здравствуйте, дорогие сотрудники!

Ее моментально окружили, стали рассматривать, расспрашивать, причем говорили все хором:

— Ну, Надежда, помолодела лет на десять!

— Ой, Надежда Николаевна, костюмчик какой симпатичный! И сидит отлично.

— А чай когда будем пить: в обед или, может, прямо сейчас?

Надежда отвечала всем сразу, что приехали они с мужем только вчера, что костюм, если перевести евро на наши деньги, совсем недорогой, а чай будем пить, когда начальник, то есть Валя Голубев, позволит. Валя Голубев был не только начальником сектора, но и давнишним Надеждиным приятелем, поэтому он, конечно, разрешил пить чай прямо сейчас, так как чувствовал, что начнутся бесконечные расспросы и рассказы и все равно никто работать не будет. Еще бы: человек из отпуска вернулся, да не из бабушкиной деревни, а из Польши! Это другой кто-нибудь скажет: подумаешь, ку-

рица не птица, Польша не заграница! Сейчас, мол, все границы открыты, езжай куда хочешь, хоть по турпутевке, хоть по приглашению. Денежки только иметь надо. Все так, да не совсем. На их режимном предприятии люди раньше десятилетиями сидели за проходной и подумать ни о чем таком не могли. Всего несколько лет назад только лед тронулся. Охали-охали режимники, а жизнь все равно свое берет. И стал потихоньку народ за границу выбираться, чтобы мир посмотреть. Сначала в бывшие соцстраны, а потом и подальше: кто в Париж, кто в Израиль, а одна женщина приходит к замдиректора по режиму и приносит приглашение: в Америку собралась, к дочери. Дочка у нее там, оказывается, уже три года живет, а никто ничего и не знал. Замдиректора, говорят, чуть удар не хватил. Ничего, пусть привыкает.

Валя подошел к Надежде, одобрительно оглядел ее, понюхал коробку с печеньем.

— Ну ладно, не утерпеть ведь до обеда. Давайте, девочки, ставьте чайник быстренько. Лена, будь человеком, сходи, питание вруби там!

Лена Трофимова оторвалась от обсуждения и ощупывания Надеждиного костюма и отправилась в коридор, где в маленькой комнатке висел распределительный щит и рубильник, включающий питание. И хотя ключи от щитовой находились у начальника и инструкцией категорически запрещалось посылать в щитовую случайных людей, Валя частенько пренебрегал инструкцией. Надежда только-только успела дойти до своего стола,

поставить коробки, снять сапоги и достать туфли, тоже, кстати, новые, как дверь внезапно с грохотом распахнулась.

На пороге стояла Лена Трофимова. Лицо у нее было не бледное и не белое, а какого-то серого цвета. Абсолютно безумные глаза перебегали с одного человека на другого. Она ничего не говорила, только открывала рот, как рыба. За спиной у Лены мелькнуло встревоженное лицо электрика дяди Васи.

— Что-то с вашей девушкой неладно! — крикнул он и скрылся.

Но сотрудники уже и сами поняли, что с Леной неладно. Она, как сомнамбула, вытянув руки вперед, вышла на середину комнаты и застыла. Лаборантка Светка пронзительно взвизгнула. Лена вдруг с размаху, как подкошенная, грохнулась на пол и забилась в конвульсиях.

— Звоните в медпункт! Срочно!

Кто-то уже набирал номер, там было занято. Стук Лениной головы о паркет разносился по всей комнате, пока Надежда первой не опомнилась и не подложила ей под голову чью-то куртку. Лена продолжала содрогаться, причем по-прежнему не кричала, а только хрипела, руки ее закинулись назад и пытались сцепиться в замок. Надежда вдруг вспомнила рассказы старушки-соседки, которая в войну была медсестрой в санитарном поезде, о том, что была у них сестричка-грузинка, у нее после контузии случилась эпилепсия, и вот как начинается у нее припадок, так она руки наверх

норовит завести и в замок сложить, а если успеть и не дать ей руки соединить, то можно припадка избежать. У Лены на губах показалась пена.

«Точно! Эпилепсия! — с ужасом подумала Надежда. — Бедная Ленка!»

— Ну-ка, хватайте ее за руки — и в стороны.

Надежда разогнала всех, оставила только Валу и еще одного парня поспокойнее, Кирилла Михайлова, велела им держать руки, а сама приподняла Ленину голову и побрызгала водой, но ничего не помогало.

Наконец дозвонились до медпункта. Фельдшер Алевтина Ивановна была на месте, поняла все с полуслова и, несмотря на полноту и пенсионный возраст, собралась за пять минут и взлетела на пятый этаж, не дожидаясь лифта, который опять где-то застрял. Едва взглянув на Лену, она распорядилась на бегу:

— Валентин, мигом беги звонить в больницу, пусть срочно «Скорую» высылают, вот телефон. Надежда, стой тут, держи руку, я укол сделаю.

После укола Лена немного затихла, но ничего не говорила и никого не узнавала. Надежда обтерла ей лицо губкой, пены больше не было. Алевтина ощупала Ленину голову, сказала, что, может, обойдется без сотрясения мозга, а диагноз поставят в больнице. Прибежал Валя, потребовал Алевтину к телефону. После пятиминутного разговора Алевтины с больницей на повышенных тонах «Скорая» приехала довольно быстро. Лену положили на носилки, накрыли одеялом и унесли.

Она глядела в потолок бессмысленным взглядом и по-прежнему молчала. Алевтина собрала Ленины вещи, сказала, что поедет в больницу на «Скорой», а оттуда позвонит.

После ухода санитаров в секторе повисло тягостное молчание. Потом открыли форточку, поставили на место разбросанные стулья и немного оживились. Валя Голубев подошел к Надеждиному столу.

— Ну что, народ, давайте, что ли, чайку попьем все-таки для бодрости. Жалко Ленку, но, может быть, обойдется там. Татьяна, ставь чайник-то.

— Уж давно стоит, сейчас закипает, — невозмутимо отозвалась Полякова.

— Да? Так что, Лена питание успела включить? А ключ от щитовой где?

— Может, там, в дверях остался?

— Пойду посмотрю, пока никто из начальства на него не наткнулся.

Валя вышел, но через две минуты появился в дверях в таком виде, что сотрудники испугались повторения истории с Леной Трофимовой. Волосы у него стояли дыбом, безумные глаза бегали по сторонам, так же как Лена, он силился что-то сказать, но не мог.

— Елистратыч, ты чего? — охнул кто-то.

Однако Валя все-таки был не двадцатисемилетней молодой женщиной хрупкого сложения, а здоровым крепким мужиком на пятом десятке, отцом двух взрослых сыновей, спортсменом и начальником сектора. Поэтому он в обморок не упал

и в истерике не забился. Все подбежали к нему, затормошили, он сделал над собой усилие и заговорил.

— Р-растудить твою! — Валя пустил отборным матом. — Там, в щитовой, Никандров повесился!

Все дружно ахнули, а потом рванули в щитовую убедиться.

— Бабы, назад! — рявкнул полностью опомнившийся Валя Голубев. — Не для вас там зрелище.

Женщины притормозили, некоторые из мужчин — тоже. Зрелище действительно было не для слабонервных. Никандров, при жизни мужчина плотный, среднего роста, но коренастый и широкоплечий, не висел, а как-то стоял, как огромная кукла-марионетка, перегораживая собой тесный чуланчик щитовой. Шея его была прикручена жгутом к отопительному столу, а сине-багровое лицо с вывалившимся языком было так страшно, что мужчины выскочили в коридор и даже отошли подальше.

— Да, немудрено, что Ленка отрубилась. Представляешь,ходишь, включаешь свет, а тут такое. Могла бы и на месте помереть от разрыва сердца.

На шум прибежали сотрудники других секторов, потом начальник отдела Синицкий подошел не спеша, спросил строго, что случилось? Голубев злорадно ответил ему, что, мол, сами посмотрите. Тот заглянул в дверь, побледнел до синевы, щеки у него обвисли, и он почти бегом бросился в свой кабинет.

— Полицию вызывайте! — крикнул ему вслед Валя.

— Ты чего это, Елистратыч, так с ним похамски разговариваешь? — спросила Надежда.

— А-а, теперь куда ни посмотри, я везде крайним буду. Никандрову ключи давал, Ленку в щитовую послал, когда должен был сам сходить, да и вообще, должен же кто-то виноватым быть, вот я и буду.

— А что ты, действительно, ключами разбрасываешься, ведь не положено же, так кто угодно может взять.

— Вот Никандров взял и повесился. Откуда я знал, что он вешаться вздумает? Сама знаешь, у нас сейчас гибкий график ввели, можно на работу приходить с полвосьмого до десяти. Я к девяти прихожу, а Никандрову было удобнее к полвосьмого, что ж, мне его стеречь с утра? Или ему питание не включать, меня ждать, так зачем тогда вообще приходить?

— А что он в такую рань на работу приходил-то? Чем он в последнее время занимался?

— Да делал что-то свое, я не проверял. Сама знаешь, сейчас особо работу не требуют, вот он по утрам возился с чем-то своим. Для Мерзоева какой-то заказ.

У Мерзоева было малое предприятие здесь же, в институте, он доставал заказы, потом заключал временные трудовые соглашения с сотрудниками, которые выполняли работу, расплачивался сразу, и все были довольны.

— А чем сейчас Мерзоев занимается?

— Да охранную сигнализацию делает для банка одного и для магазина на Невском.

Приехала полицейская бригада: женщина-врач и два парня в штатском, эксперт и опер, похожие друг на друга, только один блондин, а другой — брюнет. Всех разогнали по комнатам. Тело Никандрова отцепили от трубы, осмотрели и увезли в морг. Врач уехала, эксперт возился в щитовой, а оперативник обосновался в кабинете Синицкого и стал снимать показания с сотрудников. Первым вызвали Голубева. Он вернулся через полчаса злой как черт, присел к Надеждиному столу, закусил печенью.

— Как сказал, так и вышло. Я кругом виноват. И зачем ключи давал, и почему не уследил, и что вообще у меня в секторе творится.

— Полиции-то какое дело, что в секторе творится.

— Да нет, это Синицкий уже потом мне в коридоре вставил.

Когда Валя сердился, он бывал грубоват.

— А что они там говорят, самоубийство это, точно?

— Да вроде к этому склоняются. Опер спрашивал, были ли у него какие-нибудь неприятности? Я говорю, у нас у всех одни неприятности, денег не хватает, платят мало, отсюда и неприятности. А как у него, спрашивает опер, со здоровьем было и в семейной жизни? Я отвечаю, про это ничего не знаю, там, в семье, и спрашивайте. Ну, он вызовет

еще теток, Полякову, она вечно все знает, а тебя не будут спрашивать, я сказал, что ты сегодня из отпуска первый день и ничего не знаешь.

— Ну, спасибо, Валя, выпей еще кофейку.

Надежде было жалко Вальку, надо же, такое ЧП, теперь действительно начальство вцепится на мертво, могут и с поста снять, ведь Голубев таки нарушил инструкцию, а с инструкциями в институте всегда было строго.

Валя Голубев был хорошим человеком, это признавали многие, но с начальством отношения у него не складывались. Он не любил подчиняться, заискивать и открыто презирал начальников за то, что они, за редким исключением, ничего не соображали в инженерной работе. С Синицким у Вали сложились особенно плохие отношения, а Синицкий был, по Валиному же выражению, мужик сволочеватый, так что теперь он воспользуется случаем и отомстит Вальке. Что его снимут с начальников сектора, Валя не боялся, ему это было до лампочки. Прибавка к зарплате небольшая, а забот — выше крыши. Да и назначили-то его начальником случайно, прежний начальник Яков Михайлович вышел на пенсию, а никто из подходящих людей не хотел вешать себе на шею такой хомут: сектор маленький, двенадцать человек всего, в основном женщины. Начальство от безысходности предложило должность Вале, и коллектив его уговорил.

Надежда знала Валу очень давно, больше двадцати лет, они пришли работать почти вместе, толь-

ко Валя был старше ее на три года, так как перед поступлением в вуз служил на флоте. И хоть было это давно, Валя службу свою помнил очень хорошо и по каждому поводу рассказывал флотские байки, причем редко повторялся.

Обласканный Надеждой, Валя выпил еще кофейку и печенья съел полкоробки в расстроенных чувствах, а потом его опять вызвали к начальству. Надежда сидела за столом и думала грустные думы. Она вспомнила Сергея Никандрова, который хоть и работал в институте много лет, был человеком довольно нелюдимым, ни с кем близко не сходиллся, никому про себя ничего не рассказывал. Надежда раньше его мало знала, так, здоровались в коридоре, а года два назад, когда их сектор остался без начальника и его расформировали, а потом началась всеобщая реорганизация, Надежда недолго думая попросилась в сектор к Вале Голубеву, да он и сам ее давно звал, а потом и Никандров туда перешел. А сектор их старый расформировали потому, что начальник сектора Сан Саныч Лебедев, муж Надежды, уволился в связи с переходом на другую работу. Был он начальником недолго, меньше года, и сначала Надежде ужасно не понравился. А потом много всего случилось плохого, много пришлось им вместе пережить. Оба они с Сан Санычем были люди одинокие, дети у них взрослые, свои семьи имеют. И вот три года назад после ноябрьских праздников только посмотрели они друг на друга с интересом, а к Новому году уже поняли, что жить друг без друга не могут. И хоть официально они

записались в ЗАГСе позже, он настоял, Надежде-то было все равно, но вели отсчет своей семейной жизни с того Нового года. И вот на трехлетнюю годовщину их семейной жизни муж решил в качестве подарка свозить ее к своим родственникам в Краков. Хотели поехать на Рождество, но выяснилось, что двоюродная сестра Сан Саныча, которая была замужем за поляком и много лет жила в Кракове, уезжает на Рождество в Вену, сын ее с компанией студентов — в Париж, а свекровь восьмидесяти лет, которой сидеть бы дома и принимать гостей, собралась с группой паломников в Рим, чтобы помолиться в соборе Святого Петра и повидать Папу. Ничего не поделаешь, Польша хоть и Восточная, а все-таки Европа, всюду им близко, вот и разъезжают все кому не лень! Поэтому пришлось поехать в конце ноября, но оказалось, что так даже лучше, туристов меньше, спокойнее.

Погода этой осенью в Кракове стояла на удивление теплая, дожди шли редко, снега вообще не было, а город был так хорош, что Надежда первый раз в жизни почувствовала себя абсолютно счастливой. Она вспомнила, как в первое утро они с мужем самостоятельно пошли гулять. По крутой булыжной улице они поднялись в Краковский замок — Вавель. На солнце набежала быстрая черная туча с яркой окантовкой света, хлынул короткий, сильный, почти летний дождь. Они спрятались от него в портале замкового собора, прошли под своды, спустились к могиле Мицкевича. Собор был почти пуст, только две женщины молились рядом